

25 ноября 1997 год.

Игорь Сорецкий, вглядываясь в сгущающиеся сумерки, осторожно гнал машину по шоссе, прислушиваясь к прерывистому дыханию жены. Чёрт дёрнул его, не иначе, согласиться на её нескончаемые просьбы и взять с собой в деловую поездку в Калугу. Нет, Машу можно было понять. Седьмой месяц беременности, дома сидеть уже надоело, Игорь всё время хлопочет, родители носятся как с девочкой маленькой. Захотелось свежего воздуха, так сказать. Беременность протекала вполне нормально, даже несмотря на то, что они ждали появления на свет близнецов. Маша умудрилась набрать пятнадцать килограмм и сейчас напоминала бы очаровательную пышечку, если бы не приличных размеров живот. Игорь шутя говорил, что она проглотила большой воздушный шарик. Жена, конечно, смешно дулась на него, но по-прежнему требовала мороженое. Его она кушала в невероятных дозах, хотя раньше таким большим пристрастием не страдала. Вероятно, так сказывалась на ней беременность. В Калугу добрались они без эксцессов. Маша чувствовала себя отлично, погуляла по магазинам, посидела в кафе, пока Игорь договаривался с поставщиком. Строительная фирма у него была молодая, многие вещи приходилось делать самому. На обратном пути жена захотела посмотреть некоторые достопримечательности, и Игорь снова не смог отказать. До Москвы оставалось проехать какой-то час, когда погода, вопреки прогнозу, вдруг испортилась. Небо резко потемнело, скрытое набежавшими тучами, начал срываться то ли дождь, то ли снег. Домой доехали бы, Игорь хороший водитель, да только, как говорится, беда не приходит одна. У Маши вдруг начались схватки. По мокрой дороге было не разогнаться, а перерывы между волнами боли становились всё короче. Игорю стало понятно, что до Москвы они не успеют добраться, и в душе поселился страх, ведь роды он принимать не умел.

– Апрелевка, – прочитал Игорь название на дорожном указателе. Мужчина с облегчением вздохнул. Был он однажды в этом населённом пункте, вроде место не забитое, больница должна быть приличная. Не задумываясь, он свернул к видневшимся в темноте домам.

– А-а-а! – вдруг закричала Маша, заставив сердце мужа сжаться от страха. – Игорь, у меня воды отошли! Я боюсь!

– Твою мать!

Мужчина повернул машину к первому же дому. За невысоким забором виднелся добротный двухэтажный дом из красного кирпича, окружённый высокими стволами голых деревьев. Игорь нажал на сигнал, разорвавший набатом тишину вечерней улицы. Залаяли вдалеке собаки, а на крыльце дома вспыхнул свет. Он посигналил ещё раз и вылез из машины, быстрым шагом направившись к воротам.

– Кого там принесло в такую погоду? Нормальные гости дома сидят, – послышался с порога сердитый мужской голос.

– Здравствуйте! Нам помощь нужна, – крикнул Игорь, нервно оглядываясь на машину, где, откинув голову на спинку сидения, осталась бледная Маша.

– А вы кто, мил человек? – подошёл к калитке высокий крепкий мужчина в спортивных штанах и куртке, из-под которой виднелась светлая футболка. Он, прищурив глаза, всматривался в Игоря.

– У моей жены начались преждевременные роды, пришлось к вам сворачивать. Понятия не имею, где у вас тут больница. Боюсь, пока буду искать, она у меня в машине и родит, уже воды отошли. Вы не могли бы вызвать «Скорую»?

– Ёшкин кот! Вызвать не проблема, телефон в доме есть, да только куда же её в машине-то оставлять, – запричитал мужчина, шустро отворяя калитку. – Давай её в дом! Считай, что повезло. У меня жена медсестрой работает. Поможет, пока медики доедут.

Вместе с женщиной, представившимся Степаном, Игорь донёс стонущую жену до дома, где уже обеспокоенно выглядывала из дверей невысокая миловидная женщина, лет на десять старше Маши. Она всё поняла без объяснений, мигом велев мужу греть воду, а сама начала звонить в больницу.

– Всё будет хорошо. Не волнуйтесь так, – успокаивала она бледного Игоря, помогая раздевать роженицу. – Я принимала уже роды, хорошо знаю, что и как.

– У нас близнецы, – выдавил из себя мужчина, обеспокоенно следя за мечущейся на кровати женой.

– Ой! Теперь понятно, отчего роды-то раньше начались. Бывает так с близнецами. Сегодня сестра моя двоюродная на дежурстве. Она отличный фельдшер. Идите к Степану, негоже мужчине роды видеть, – вдруг начала выпроваживать женщина растерянного Игоря. – Не надо видеть жену в таком виде. Потом красивой, умытой и с детишками увидишь. Давай!

Игорь вышел из спальни, тут же попав в заботливые руки Степана, который вручил ему гранёный стакан. Он выпил залпом, даже не проверив, что ему всучили-то, и едва не задохнулся. Ядрёный самогон опалил пищевод и пришлось срочно закусывать солёным огурчиком, заботливо поданным тем же Степаном. Но нервы слегка попустило, дав возможность дышать легче. «Скорая» приехала минут через двадцать, когда Игорь уже места себе не находил. Степан еле удерживал его подальше от комнаты, где устроили Машу. Высокая статная фельдшерица окинула внимательным взглядом взъерошенных мужиков и белым пароходом проплыла в спальню. Роды закончились под утро, когда Игорь с ослепевшими от самогона глазами, Степан всё подливал да подливал, уговаривая не нервничать, сидел на террасе дома и нервно курил сигареты, извлечённые из бардачка. Он почти бросил эту дурную привычку, жена дыма не переносила, а тут сгодились заначка. Дверь скрипнула, заставив мужчину вскочить на ноги. Он слегка пошатнулся и, опершись для устойчивости о столбик крыши, уставился на хмурую медичку.

– Молодец. Стёпкин самогон? Понятно, – проворчала она, тяжело вздохнув.

– Как?

– Жена нормально. Сын здоровый.

– Сын? А?.. Что со вторым? – холодная волна плохого предчувствия окатила Игоря.

– Роды были тяжёлыми. Малыш пуповиной задушился. Простите. Мы сделали, что смогли, – понуриив голову ответила женщина.

– Я понимаю. Спасибо. Что с... ребёнком делать? Тело... в морг? – слова давались Сорецкому с огромным трудом, мысли путались, не желая принимать страшную действительность. Игорь помотал головой, пытаясь вытрясти алкогольный туман.

– Я бумаги заполню. Все, которые нужны, не волнуйтесь. А малыша... Можно здесь оставить. Степан с Верой могут похоронить. Поверьте, вам лучше не видеть его. Не самое приятное зрелище. Да и жену вашу нужно срочно в больницу отвезти. Вроде утихло всё, – кивнула женщина на серое небо. Непогода действительно закончилась.

– Не по-человечески как-то. Он же тоже наш ребёнок, – покачал головой Игорь.

– Вам о живых думать нужно сейчас. Ему уже ничем не поможешь, а Степан с Верой всё сделают как надо. Потом, когда-нибудь, приедете к нему, попрощаетесь как нужно. Вашей жене лучше в больнице всё рассказать. Там и специалист рядом будет, и лекарства нужные. Спешить надо.

– Да. Конечно. Только как я за руль сяду? В голове бардак.

– Мы вас можем в Москву довезти, а оттуда пришлётё кого-нибудь за машиной. Так лучше будет, Игорь, поверьте мне, – женщина сжала плечо Сорецкого.

– Согласен. Так будет лучше.

Спящую Машу аккуратно погрузили в машину «Скорой помощи». Игорь всю дорогу смотрел на неё, кусал губы и крепко прижимал к себе маленький свёрток. Сына. Единственного, который остался у них. Он поговорил с четой Кириковых, оставил им приличную сумму денег на похороны и, скрепя сердце, с трудом удерживая себя от желания увидеть другое маленькое тельце, уехал. Он не хотел думать, что было бы, если бы он упёрся и оставил Машу дома под присмотром родителей. Кто знает, что было бы. Но у них остался один сын, и Игорь решил для себя, что этот малыш будет получать всё за двоих. Он расшибётся в лепёшку, но обеспечит сыну достойную жизнь.

Андрей грустно глянул на небольшое ведёрко, которое стояло возле забора и тяжело вздохнул. Вот не любил он лук сажать, блин. Да только пообещал тёте Ане помочь, так что делать нечего, тыкай, как говорится, молча. Было ощущение, что мелкие золотистые луковички в ведёрке размножались втихую. Андрей засопел, набрал в старую миску новую порцию и пошёл к месту, где закончил. Жаль, что тётю Аню радикулит прихватил. Хорошая она женщина, добрая. Пока Андрей учился, она за мамой его присматривала, звонила, если здоровье её ухудшалось. А с зимы за домом присматривала, когда мамы не стало. Отца-то давно уже в живых не было. Лет десять как они с другом по пьянке на машине разбились. Хотя мама рассказывала, что отец раньше нормальным был, не пил много, в НПО «Прибор» работал, его там ценили за руки умелые. Только Андрей этого не помнил. В его воспоминаниях отец всегда нетрезвым был. Ругался и буянил, доводя мать. Она одна тянула их семью на свою зарплату медсестры. Андрей старался помогать ей как мог. Учился на «отлично», чтобы она радовалась, летом подрабатывал, где брали мальчика. В институт умудрился на бюджет поступить. Хотелось, конечно, в Москве учиться, но ножки, как говорится, по одежке протягивать следует. Филиал МГЭИ в Калуге тоже неплохо для паренька из Апрелевки. Ромка, друг детства, давно уехал в Сочи. Недавно звонил, подработку на лето предлагал. Если всё срастётся, денег Андрей заработает прилично. Будет на что квартиру снять, пока работу найдёт. А если и дом удастся продать, то вообще замечательно будет.

– Ни хрена себе, – свистнул Андрей, наблюдая, как пронёсшаяся мимо блестящая иномарка, с визгом затормозила, и водитель дал задний ход. Машина остановилась точно напротив парня. Водительская дверца открылась, и из недр вылез крепкий молодой мужчина со светлым ёжиком волос. Он приветливо и, как-то даже заодно усмехнувшись Андрею, крикнул:

– Привет! А ты чего сажаешь?

– Лук. А что?

– Бесплатная помощь нужна? – подмигнул мужчина, а из машины послышался испуганный женский голосок:

– Серёжа, я же пошутила!

– Лёля, я твоими шутками сыт по горло! Давай в деревню переедем, тут птички поют, а тишина какая, – передразнил он ехидно, видимо, сидящую в машине подругу. – Вылезай, лук сажать будешь!

Из машины, явно нехотя, осторожно выбралась стройненькая блондинка с длинными волосами. Н-да. Одета как раз для посадки грядок: обтягивающее бежевое платье едва прикрывало округлые колени, красивые ножки в тонких колготках были обуты в туфельки на шпильке, а на плечиках красовалась короткая курточка красного цвета, вся в молниях и мелких заклёпочках. Андрей усмехнулся, наблюдая как она мелкими шагами подошла к вспаханному огороду и остановилась в начале отмеченных рядов.

– Что делать? – капризно спросила она.

– Тебя как зовут? – обратился веселящийся блондин к парню.

– Андрей.

– Отдай Лёле миску и покажи, пожалуйста, чего и как делать.

Андрей и показал, а дальше был форменный цирк. Сначала красотуля застряла каблуками в земле. Сергей тут же предложил снять шпильки и босиком по земельке пройти, а колготки он ей новые пообещал купить. А как она лук сажала, вообще была песня. Жаловалась, что земля забивается под длинные остренькие ногти, а Сергей успокаивал и тут же советовал сначала ногтем ямку сделать, потом туда луковку сунуть, хоть какая-то польза от дорогого маникюра будет. Она стонала, но сажала. Целый ряд осилила, прежде чем Сергей сдался и пожалел её. Она быстренько, прихватив в испачканные руки шпильки, заковыляла к машине. Там был ещё один пассажир, который с интересом рассматривал представление, опустив стекло и подставив симпатичное лицо весеннему солнцу. Молодой парень, немногим моложе Андрея, представился Артёмом.

– Слушай, а чего ты так строго с ней? – поинтересовался Андрей у докуривающего сигарету блондина.

– Да достала уже. Всё время ныла, что в деревне легко живётся, причём и понятия не имея, как на самом деле деревенские живут. У неё в голове пастораль сплошная. А на рынке торговалась за каждую копейку, стыдоба, твою мать. Как будто денег ей не хватает. Чего, мол, они такую цену за свой товар просят, если всё само растёт.

– Если бы само, действительно была бы сплошная пастораль.

– Вот. У меня бабушка в деревне всю жизнь прожила, а я к ней каждое лето приезжал. Так что знаю и о прополке, и о поливке, и обо всей остальной деревенской прелесть. Чтобы что-то получить, труд надо вложить. И немалый. Ладно. Бывай здоров, Андрюх, – протянул Сергей парню крепкую ладонь, попрощался и уехал.

Андрей потом рассказал про весёлый инцидент тёте Ане. Она посмеялась и накормила

помощника горячими пирожками. Вот же неугомонная. Радикулит даёт знать, а она на ногах. Прямо как мама его.

Алекс застегнул сумку, забросил на плечо и направился к выходу из аудитории. Занятия закончились, пора было ехать к отцу в офис, постигать науку управления крупным бизнесом на практике.

– Эй, Сорецкий! – окликнул его ненавистный голос в коридоре.

– Воронов. Давно не виделись.

– Ты про соревнования не забыл? Вазелин уже приготовил? – ехидно усмехнулся подошедший высокий блондин. Короткая стильная стрижка, наглые карие глаза, широкие плечи, узкие бёдра, накачанные длинные ноги. Пловец, местный чемпион и личная заноза в заднице.

– Я тебя и без вазелина трахну, – прошипел Алекс, бросив сердитый взгляд на свой хронометр. Если зацепится с этим гадом языками, в офис опоздает однозначно, отец будет ругаться. Сегодня встреча с партнёрами, и он хотел, чтобы Алекс поприсутствовал.

– Э нет! Это я тебя опять поимею. Великий Сорецкий вновь проиграет! – Алекс с трудом сдержался, чтобы не врезать по наглой физиономии. Плавание было его больным местом. Если бы не отец, в прошлом успешный пловец и кандидат в мастера спорта, ноги бы его в секции не было бы. Результаты у него были средними, что давало повод Воронову вечно ехидничать. Во всём остальном они шли нос к носу. Два лидера и вечных соперника.

– Слышь, Воронов, может, лучше приедешь ко мне на занятия по карате, и я тебя поваляю по татами? Пиздеть меньше будешь, – заглянув в карие глаза, предложил Алекс.

– А я на чужом поле не играю. Это ты на моём плещешься и позоришься. Может, уйдёшь из секции, рыбка-селёдка? Водичка будет чище.

– Задолбал, урод, – прошипел Алекс не хуже удава Каа и, сделав стремительное движение, поймал насмешника за руку, слегка крутанулся и припечатал его лицом к стене, тот едва успел подставить ладонь, чтобы не разбить, как минимум, нос. Несмотря на то, что Алекс был немного ниже ростом, скорости и ловкости ему было не занимать. – Воронов, мне тебя ещё год терпеть. Не доводи до убийства!

– А ты дай мне, и я от тебя отстану. Мне твоя аппетитная попка по ночам спать не даёт, – томным голосом протянул нахал, не собираясь сдаваться. Алекс фыркнул и отпустил жертву.

– Облезешь! – ответил Сорецкий и резво направился к выходу.

– Жадина! Тебе жалко, что ли? Я осторожно! – проканючил насмешливый голос, на что Алекс, не оборачиваясь, показал средний палец, получив в ответ хохот. Зараза!

Они с Денисом Вороновым были одноклассниками. Учились в параллельных классах в одном лицее, а потом оба поступили в МГЭИ только на разные факультеты. Алекс решил быть управленцем, а Денис пошёл на юридический. У них с отцом была широко известная в городе адвокатская контора. Строительная фирма Сорецких сотрудничала с ними уже не первый год. Угу. Отцы

дружили, а сыновья воевали. Из-за Дениса младший Сорецкий спалился перед родителями раньше времени. После выпускного, оба прилично навеселе, парни устроили разборки на стоянке у ресторана. Выясняли, кто кого трахнет. А в это время рядом появились родители. Мамы в слёзы, а отцы орать начали. Потом напились на пару, погоревали и постановили: «Спите с кем хотите, но, чтобы внуки были!» Денису нормально, он вообще-то би, а вот у Алекса на девок не стояло, совсем. У Воронова какая-то навязчивая идея была – трахнуть Алекса. Прямо мечта идиота. Сорецкому было всё равно, сверху или снизу, он был универсалом по сути. Если самцовость и гордыня по голове не бьёт, то на самом деле какая разница, если в кайф и так, и так? Но вот отдать свой тыл на растерзание Воронову ему даже в голову не приходило. Не хотел и всё!

На встречу он, к счастью, успел. Отец немного поворчал и отправил заниматься своими делами. Алекс вот уже год был одним из его замов, заведовал поставками стройматериалов. Поначалу было трудно, но это нормально. Опыт дело наживное, тем более, что под рукой были опытные сотрудники. Зато с началом трудовой деятельности у Алекса начался бурный роман с новым архитектором, которого отцу удалось переманить к себе. Михаил Лебедев был творческой личностью в полном смысле этого выражения. Немного рассеянный, вечно погружённый в свои проекты молодой мужчина с симпатичным открытым лицом, каштановым хвостиком волос на макушке и аккуратной бородкой зацепил с первой встречи. Алекс сам удивлялся, как у него получилось занять свою нишу в личном пространстве любимого человека, которое сплошь и рядом было заставлено-застроено всякого рода домиками да сказочными замками. Лебедев был талантлив и востребован, работая не только за огромные деньги, но и ради душевного удовольствия. В его просторном светлом кабинете был, стараниями Алекса, отведён небольшой уголок, где стояли макеты самых выдающихся работ Михаила. Несмотря на то, что молодой архитектор выиграл не один конкурс и его талант был признан, он оставался скромным и весёлым человеком. Они с Алексом отлично дополняли друг друга. Миша умел одной шуткой утихомирить разбушевавшегося парня и наоборот, сам Алекс умел вовремя поддержать любимого человека в моменты творческого ступора. Сорецкий давно перетащил упряма к себе, организовав Мише мастерскую на втором этаже огромной квартиры, полученной в подарок от родителей после окончания лицея с золотой медалью. Хорошо, кстати, что квартиру подарили раньше, чем узнали про ориентацию, а то не видать бы Алексу самостоятельной жизни ещё пару лет. Отец не привык давать обратный ход своим решениям, так что подарок остался в силе. Он с удовольствием возвращался домой, только с Мишей чувствуя себя комфортно. Что бы родители ни говорили, как бы ни давали понять, что безумно любят его, Алекс иногда чувствовал боль, которая мелькала в их глазах, когда они думали, что он не видит.

Он, конечно же, знал, что должен был родиться не один. Знал, что его брат-близнец умер при родах. Алекс не мог объяснить себе, не то что родителям, странные вещи, иногда случавшиеся с ним. Он как будто чувствовал кого-то далёкого, но родного. Смутное непонятное чувство. Совершенно необъяснимое. Алекс был подвержен перепадам настроения. Мог веселиться и шалить, а потом загрустить, забиться куда-нибудь в уголок и заплакать. Мог заболеть во время отдыха на тёплом море ни с того, ни с сего. И даже врачи не могли понять причину, по которой ребёнок температурил всю ночь, а утром проснулся совершенно здоровым. Когда Алекс вырос, он перечитал невероятное количество историй, повествующих о феномене близнецов. О том, как живущие на разных концах света братья-сёстры синхронно заболевали, повторяя все симптомы друг друга. О том, как идентичные близнецы, словно эмпаты, чувствовали эмоции и настроение даже находясь достаточно далеко. В некоторых случаях такая эмоциональная связь так крепка, что подолгу они не могли находиться на расстоянии. Конечно, не всё бывает гладко даже между теми, кто девять месяцев провёл бок о бок в утробе матери. Но было одно "но" в этих прочитанных историях. Там всегда речь шла о сугубо живых людях, в то время как

половинка Алекса была давно мертва. Если бы он верил в магию и всякое шаманство, точно побежал бы по всяким бабкам-дедкам. Только Алекс не верил. Когда-то в детстве он поделился с родителями своими переживаниями, так они сразу же притащили детского психолога, мигом предположившего наличие выдуманного друга. С тех пор он ничего не рассказывал, уверяя, что с ним всё в порядке. Он просто сжился со своим фантомным братом, привык.

– Привет! Тёмыч, тебя каким ветром к нам занесло? – удивился Алекс, заприметив у себя в квартире гостя. Артём Семашко был его другом детства, всего на пару лет младше. Забавный парень. Он прибегал иногда к ним в гости, поболтать, пожаловаться на свою избалованную старшую сестру, повеселить выходками зятя.

– Дело есть, – немного смущаясь ответил вихрастый блондин, теребя в руках свой телефон.

– Алекс, тебе лучше присесть, – многозначительно посоветовал сидящий в кресле Миша. На удивление он был серьёзен и собран.

– А что случилось? Вы умыкнули секретные материалы, а я не в курсе? Пора вызванивать адвоката? – усмехнулся Сорецкий, падая на мягкий диван и вытягивая уставшие ноги.

– Я думаю, что как минимум одну тайну я нашёл, – произнёс задумчиво Артём, странно поглядывая на Алекса.

– Тёмыч, не тяни кота за яйца. Колись!

– Ты никогда не был в Апрелевке?

– Где?

– В Апрелевке. Это в Московской области, – уточнил Артём.

– Знаю. Я был там один раз. Когда мне исполнилось десять лет. Ездили с родителями на кладбище к... одному родственнику. А при чем здесь Апрелевка?

– Занесло меня вчера в ту сторону. Лёлька мужа достала, он решил её проучить. Завернул в первый попавшийся по дороге населённый пункт, – и Артём едва ли не в лицах поведал, как его сестрица первый раз в жизни лук сажала. У Алекса слёзы из глаз потекли, когда он представил эту фику на огороде. Похоже, Миша эту историю уже слышал, потому как сидел и просто улыбался. – Я как парня того рассмотрел, едва дар речи не потерял. Только и хватило духу, что окно приоткрыть и пару фоток сделать.

– Такой страшный? – ухмыльнулся Алекс, гоня от себя грустные мысли, всколыхнувшиеся в душе при упоминании Апрелевки.

– Тебе виднее, – туманно ответил Артём и протянул другу телефон. – Сам посмотри.

– Ну-ну, – Алекс уставился на изображение, и улыбка сползла с его лица. – Это кто?

– Нам бы тоже хотелось знать, – произнёс Миша, протягивая застывшему Алексу стакан с водой.